

1897

№ 2470

227

1886
28

СОЧИНЕНІЯ А. СКАБИЧЕВСКАГО

КРИТИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ, ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ,
ЛИТЕРАТУРНЫЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

8 135

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ

Съ портретомъ автора, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ,
по фотографіи Ю. Штейнберга.

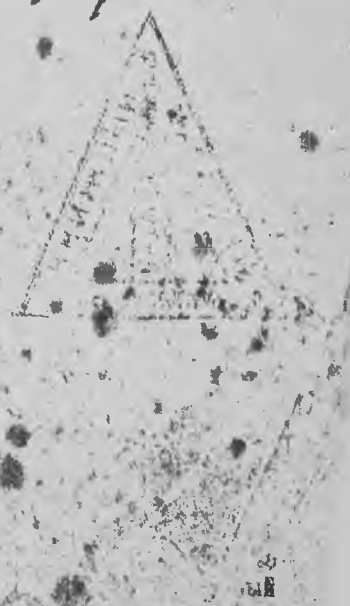
ТОМЪ ВТОРОЙ

317

Цена за два тома 3 руб.

1175

3-е изданіе Ф. Павленкова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1903.

изображение «новых людей», подобных которым не было еще у нас ни в жизни, ни в литературе, но вольно же вам вбить им на слово. Обратите внимание, что до сих пор в их лагерь не появилось ни одного мало-мальски крупного таланта, так что поневоле является мысль, неоднократно проскальзывавшая уже в прессе, что не что иное, как самолюбивая потуга создать во что бы то ни стало нечто новое, при крайнем безилии творчества, и вводить их ко всем их эксцентричностям и сумбурностям. Но разве нет у нас в настоящее время в литературе нашей талантов, несравненно более сильных, чем все эти г-да Мережковские, Гишпиусы, Сологубы и пр.

Ну, что-ж, обратимся к более сильным талантам. Вот например, передь нами г. Ант. Чеховъ, — нечего и говорить о том, что в настоящее время величина крупная, имѣющая вполне заслуженно массу почитателей и поклонников. Каждое произведение его, какой-нибудь маленький рассказик в несколько страничек, встрѣчается съ большим интересомъ, читается съ восторгомъ, нарахвать. И, надо правду сказать, в лицѣ г. Чехова мы имѣем мало сказать, что сильный художественный талант, но талант весьма сложный, разносторонний: у него вы найдете и мастерство писать прекрасные, поэтичные ландшафты, вырисовывать типы и выводимые конкретныя лица так рельефно, что они стоятъ передь вами, какъ живыя, и глубокий и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тонкій психическій анализъ, наконецъ, не обидѣлъ его Богъ и весьма бойкимъ, веселымъ и задумчивымъ юморомъ. Нечего и говорить о томъ, что чего-либо декадентскаго, символа-ерундизма не найдете вы у него и слѣда. Онъ остается до сих поръ вѣренъ въ стилѣ своего письма тургеневской школѣ.

И, тѣмъ не менее, если мы обратимъ внимание на то, какого рода герои выводилъ онъ, то увидимъ, что и онъ недалеко ушелъ отъ декадентовъ въ томъ отношеніи, что и у него, въ свою очередь, въ большинствѣ произведений выводятся герои, если не физически, то нравственно больные, съ различными нервами, безвольные, надомленные, а порою и совершенно психопатическіе, одержимые разными душевными недугами до полного помраченія разсудка. Вспомните, напримеръ, хотя бы такіа произведенія, какъ «Шестую палату», «Изъ записокъ неизвѣстнаго», «Чорнаго монаха» и пр.

Но, чтобы не ходить далеко, такъ какъ мы имѣемъ дѣло не съ характеристикой всей дѣятельности г. Чехова, а лишь съ тѣмъ, какъ она проявилась въ послѣднее время, въ теченіе не даѣе прошлаго года, мы обратимъ внимание на два появившіяся въ теченіе прошлаго года произведенія его: «Домъ съ мезониномъ» (Р. М. 1896 г. № 4) и «Моя жизнь» (Лит. прил. къ «Нивѣ» 1896 г. № 10—12).

Рассказъ «Домъ съ мезониномъ» ведется отъ лица художника-пейзажиста, вспоминающаго, что было съ нимъ 6—7 лѣтъ тому назадъ. Онъ гостилъ тогда у нѣкоего помѣщика Бѣлокурова, и, какъ онъ, такъ и этотъ самый Бѣлокуровъ, оба были одного поля ягода. Помѣщикъ Бѣлокуровъ, по словамъ рассказчика, «вставалъ очень рано, ходилъ въ поддевкѣ, во вече-

рамъ пилъ пиво и все жаловался, что онъ нигдѣ и ни въ комъ не встрѣчаетъ сочувствія». «Онъ, — читаемъ далѣе, — говорилъ о томъ, какъ много приходится работать, когда хочешь стать образцовымъ сельскимъ хозяиномъ». А пріятель его думалъ: какой это тяжелый и лѣнивый малый. Онъ когда говорилъ о чемъ-нибудь серьезно, то съ напряженіемъ тянулъ «а-а-а», и работалъ такъ же, какъ говорилъ, — медленно, всегда опаздывая, пропуская сроки. Въ его дѣловитость рассказчикъ плохо вѣрилъ уже потому, что письма, которыя онъ поручалъ ему отправлять на почту, онъ по дѣлымъ недѣлямъ таскалъ у себя въ карманѣ.

— Тяжелѣе всего, — бормоталъ онъ, — что работаешь и ни въ комъ не встрѣчаешь сочувствія. Никакого сочувствія!

Но и самъ рассказчикъ немногимъ превосходилъ его по части дѣловитости. «Обреченный, рассказывалъ онъ, — судьбой на постоянную праздность, я не дѣлалъ рѣшительно ничего. По дѣлымъ часамъ я смотрѣлъ въ свои окна на небо, на птицъ, на аллея, читалъ все, что привозили мнѣ съ почты. Иногда я уходилъ изъ дому и до поздняго вечера бродилъ гдѣ-нибудь».

А въ другой разъ, вотъ съ какой рѣчью обратился онъ къ Бѣлокурову:

«— Скажите, отчего вы живете такъ скучно, такъ неколоритно? *Моя жизнь скучна, тяжела, однообразна, потому что я художникъ, я странный человекъ, я издерганъ съ юныхъ лѣтъ за вѣстью, недовольствомъ собой, невѣріемъ въ свое дѣло, я всегда бдѣю, я бродяга; по вы-то, вы — здоровый, нормальный человекъ, помѣщикъ, баринъ, отчего вы живете не интересно, такъ мало берете отъ жизни?..»*

А жилъ Бѣлокуровъ дѣйствительно не интересно, если ко всему вышесказанному прибавить, что у него была подруга жизни, Любовь Ивановна, дама очень полная, пухлая, важная, похожая на откорюченную гусыню; она гуляла по саду въ русскомъ костюмѣ съ бусами, всегда подъ зонтикомъ, а прислуга то и дѣло звала ее то кунать, то чай пить. Года три назадъ, она наняла одинъ изъ фангелей подъ дачу, да такъ и осталась жить у Бѣлокурова, повидимому, навсегда. Она была старше его лѣтъ на десять и управляла имъ деспотически такъ, что, отлучаясь изъ дому, онъ долженъ былъ спрашивать у нея позволеніе...

И такъ, передь нами байбакъ-помѣщикъ, въ родѣ Обломова, подъ башмакомъ у старой бабы, и бродяга художникъ, «издерганный съ юныхъ лѣтъ за вѣстью, недовольствомъ собой, невѣріемъ въ свое дѣло». Не правда ли, какая прекрасная парочка: герои вполне въ современномъ вкушѣ, подѣ стать героямъ Вл. Ив. Немировича-Данченко.

Познакомилъ наши пріятели съ соседнимъ помѣщичьимъ семействомъ Волчаниновыхъ, состоявшимъ изъ матери и двухъ дочерей, Лиды и Жени. Старшая, Лидя, была дѣвушка, очевидно, весьма замѣчательная, дѣльная, что проскальзываетъ непольно сквозь проницескій тонъ невзлюбившаго ее рассказчика. Такъ, мы видимъ, что по ея настоянію Волчаниновы жили въ деревнѣ безвыѣздно, а то и яму,

1) Впервые — «Нов. слово», 1897 г. № 4 (январь), с. 157—163.

Во 2 м изд. (1895, 449-но, 449).

и Лидя была учительницей въ земской школѣ у себя въ Шелковѣ и получала 25 рублей въ мѣсяцъ. Она третила на себя только эти деньги и гордилась, что живетъ на собственный счетъ. Но одною школою не ограничивалась ея дѣятельность: она вѣчно о чемъ-нибудь хлопотала, собирала деньги на погорѣльцевъ, лѣчила приходящихъ къ ней крестьянъ, составила вокругъ себя сильную партію изъ симпатичныхъ ей людей, при помощи которой ей удалось «прокатить» на земскихъ выборахъ председателя земской управы Балагина, державшаго въ своихъ рукахъ весь уѣздъ. Все это, взятое вмѣстѣ, возбуждаетъ въ насъ невольное сочувствіе къ дѣвушкѣ, которая, не покладая рукъ, трудилась надъ скромнымъ, но серьезнымъ и реальнымъ дѣломъ, а не сидѣла, сложа ручки, въ исканіяхъ «новой красоты» или въ созерцаніи Бога: въ причудливыхъ формахъ золотыхъ вечернихъ облаковъ.

Понятно, что она не могла отнестись съ симпатіею къ двумъ шалонайствующимъ сосѣдямъ и высказала явное презрѣніе къ нимъ. Серьезная, не улыбаясь, она спрашивала Бѣлокурова, почему онъ не служитъ въ земствѣ и почему до сихъ поръ не былъ ни на одномъ земскомъ собраніи, и сказала ему укоризненно:

— Нехорошо, Петръ Петровичъ, нехорошо, стыдно!..

Что касается художника, то, каждый разъ, когда Лидя начинала какой-нибудь дѣловой разговоръ, она говорила ему сухо: «это для васъ не интересно». Вѣдшимъ образомъ она не выражала своего нерасположенія къ нему, но онъ чувствовалъ его, и такъ какъ далеко не былъ столь добродушенъ, какъ его пріятель, то началъ платить ей за ея презрѣніе ядовитыми замѣчаніями въ родѣ того, что лѣчить мужиковъ, не будучи врачомъ, значить обманывать ихъ, и что легко быть благотѣлемъ, когда имѣешь двѣ тысячи десятинъ. Мало-по-малу дошло у нихъ до весьма острыхъ объясненій, болѣе, впрочемъ, съ его стороны, чѣмъ съ ея. Онъ началъ горячо и съ нескрываемымъ раздраженіемъ отрицать всю ея дѣятельность, и, какъ это всегда бываетъ съ современными намъ разнаго рода представителями общественнаго индифферентизма, началъ съ теоретиковъ чистаго искусства и кончилъ дѣлами, философіею, мистиками и декадентами, отрицаніе свое онъ старался основывать на такихъ якобы широкихъ положеніяхъ, которыми хватали якобы куда дальше и шире близорукихъ и узкихъ взглядовъ Лиды, и съ точки зрѣнія которыхъ оказывалось, что вся ея дѣятельность не стояла выдѣленного лйда. Но, читая горячія тирады героя, вы видите, какъ онъ самъ себя на каждомъ шагѣ противорѣчитъ и, наконецъ, совсѣмъ сбивается съ толку...

Начинаетъ онъ съ того, что, по его мнѣнію, медицинскіе пункты, школы, библіотеки, аптечки, при существующихъ условіяхъ, служатъ только къ порабощенію народа, такъ какъ, внося въ жизнь его новыя предрассудки, они увеличиваютъ число его потребностей, не говоря уже о томъ, что за мушкетера и за книжки онъ долженъ платить земству и, значить, сильнее гнуть спину. Необходимо же освободить людей отъ тяжкаго физическаго труда, дать имъ почув-

ствовать себя на свободѣ и имѣть время подумать о душѣ, о Богѣ; разъ человѣкъ сознаетъ свое истинное призваніе, то удовлетворить его могутъ только религія, науки, искусства, а не эти пустячки. На вопросъ же, какъ же освободить народъ отъ физическаго труда, герой отвѣчалъ какъ нельзя болѣе развязно, что если бы всѣ мы, городскіе и деревенскіе жители, всѣ, безъ исключенія, согласились подѣлать между собой трудъ, который затрачивается вообще человечествомъ на удовлетвореніе физическихъ потребностей, то на каждого изъ насъ, быть можетъ, пришлось бы не болѣе двухъ-трехъ часовъ въ день (!), а чтобы еще менѣе зависть отъ своего тѣла и менѣе трудиться, мы изобрѣтаемъ машины, замѣняющія трудъ, махнули герой, забывъ, что какъ для изобрѣтенія, такъ, тѣмъ болѣе, для дѣланія машинъ необходима масса физическаго труда. Далѣе, онъ напалъ не только уже на аптечки и библіотеки, но и на самыя науки и искусства, говори, что они должны искать правды и смысла жизни, искать Бога, душу, а когда ихъ пристегиваютъ къ нуждамъ и злостамъ дня, къ аптечкамъ и библіотекамъ, то они только осложняютъ, загромаждаютъ жизнь. Весь этотъ фейерверкъ закончился слѣдующаго рода бенгальскимъ огнемъ:

— У насъ много медиковъ, фармацевтовъ, юристовъ, стало много грамотныхъ, но совсѣмъ нѣтъ биологовъ, математиковъ, философовъ, поэтовъ. Весь умъ, вся душевная энергія ушли на удовлетвореніе временныхъ, переходящихъ нуждъ... У ученыхъ, писателей и художниковъ кипитъ работа, но ихъ милости удобства жизни растутъ съ каждымъ днемъ, потребности тѣла множатся, между тѣмъ до правды еще далеко, и человѣкъ попрежнему остается самымъ хитрымъ и самымъ нечестоплотнымъ животнымъ, и все клонится къ тому, чтобы человечество въ своемъ болѣшинствѣ выродилось и утерило навсегда всякую жизнеспособность. При такихъ условіяхъ жизнь художника не имѣетъ смысла, и чѣмъ онъ талантливѣе, тѣмъ страннѣе и непонятнѣе его роль, такъ какъ на повѣрку выходитъ, что работаетъ онъ для забавы хищнаго, нечестоплотногаго животного, поддерживая существующій порядокъ. И я не хочу работать, и не буду... Ничего не нужно, пусть земля провалится въ таратары!..»

Во всей фейерверочной трескотинѣ взятыхъ на прокатъ и мало продуманныхъ чужихъ взглядовъ вы чувствуете лишь одно: что все это говорилось единственно ради оправданія праздности и успокоенія встревоженной совѣсти. Впрочемъ, герой нашъ не замедлилъ и на практикѣ показать, какого онъ онъ «Богъ» и «живую душу». Не найдя сочувствія въ Лидѣ, онъ началъ улавливать въ свои сѣти младшую ея сестру, Женю, наивнаго подросточка 16—17 лѣтъ, не успѣвшую еще и сформироваться, съ слабою, неразвитою грудью, тонкими плечами и худенькимъ тѣломъ, стигнутымъ поносомъ. Конечно, ему ничего не стоило закружить голову у этого ребенка. «И, — рассказываетъ онъ, — явился Женѣ, какъ художникъ, и побѣдилъ ея сердце своимъ талантомъ, и мнѣ страшно хотѣлось нисать только для нея, и я мечталъ о ней, какъ о своей маленькой королевѣ, которая вмѣстѣ со мною будетъ владѣть этими деревьями, полями, туманомъ, зарею, этой природой, чудесной, очаровательной, во среди которой я до сихъ поръ

чувствовал себя безнадежно одиноким и ненужным».

Къ счастью для маленькой Жени, она объявила ему, что у нея нѣтъ тайнъ для своей семьи, и она должна сейчасъ разсказать все мамѣ и сестрѣ. «Это такъ страшно!—прибавила она:—мама ничего, мама любить васъ, но Лидя!»

Лидя дѣйствительно приняла энергическія мѣры, чтобы избавить сестру отъ преждевременнаго и во всѣхъ отношеніяхъ несообразнаго увлеченія: пользуясь авторитетомъ въ своей семьѣ, она усладала мать и Женю къ теткѣ въ Пензенскую губернію. И вотъ, если бы герой нашъ былъ человѣкъ мало-мальски солидный и съ характеромъ, и если бы страсть его къ Женѣ была серьезнымъ чувствомъ, а не блажною прихотью празднаго эротомана, то что мѣшало ему послѣдовать за предметомъ своей страсти и добиться своего. Въ Пензенская губернія не за океаномъ, а тамъ, вдали отъ Лиды, онъ безпрепятственно могъ бы сочетаться съ Женей узамъ брака. Но герой нашъ и не думалъ о какихъ-либо серьезныхъ видахъ на дѣвочку, и понятно, что когда онъ узналъ объ ея отъѣздѣ, первое впечатлѣніе его было чувство стыда: «стрезвое, будничное настроеніе, — разсказываетъ онъ,—охладило мной, и мнѣ стало стыдно всего, что я говорилъ у Воззанинновыхъ, и попрежнему стало скучно жить. Придя домой, я уложился и вечеромъ уѣхалъ въ Петербургъ». И послѣ того онъ такъ и не встрѣчался съ Женей, и лишь въ минуты, когда его томилъ одиночество и ему было грустно, онъ вспоминалъ ее смутно; ему начинало казаться, что и немъ тоже вспоминають, ждутъ его и что они встрѣтятся, и онъ восклицалъ:

— Мисень, гдѣ ты?

Согласитесь сами, что въ лицѣ героя передъ нами съ головы до ногъ чистопробный психопатъ и къ тому же эротоманъ.

VI.

162 Въ разсказѣ «Моя жизнь» мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ тѣхъ неудачниковъ, которые очень часто встрѣчались во все время въ среднихъ слояхъ нашего общества и которые именовали и подали поводъ къ созданію извѣстной поговорки «въ семьѣ не безъ урода». Отецъ героя былъ городской архитекторъ, человѣкъ бездарный, тупой, стараясь понятій и правилъ и въ семьѣ суровый деспотъ. Онъ былъ сына съ дѣтскихъ лѣтъ до 25-ти-лѣтняго возраста, и 25-ти-лѣтній юноша во время битвы продолжалъ, такъ-же какъ и въ дѣтскомъ возрастѣ, стоять на вытяжку, руки повисавъ и глядѣть отцу въ лицо. Забитый такимъ образомъ съ дѣтства, юноша не могъ кончить курса средняго заведенія, и затѣмъ, по какой дорогѣ его ни пускали, — былъ онъ и въ вольноопредѣляющихся, и въ фармацевтахъ, и на телеграфѣ, и на желѣзной дорогѣ, словомъ, перемѣнилъ девять должностей, — и гдѣ онъ не оказался годенъ; вслѣдъ его увольняли, вслѣдствіе грубости съ начальствомъ. Въ прежнія времена изъ такихъ жертвъ домашняго воспитанія ничего обыкновенно не выходило, кромѣ трактирныхъ биллиардныхъ шулеровъ. И герой нашъ былъ близокъ къ этой доблестной карьерѣ, такъ какъ лю-

билъ поигрывать въ трактирахъ на биллиардахъ. Но его головы не миновали бродившія въ обществѣ идеи объ опрощеніи и преимуществѣ физическаго труда передъ механически-канцелярскимъ, и вотъ онъ вознамѣрился пойти въ маляры. Конечно, добывать честный кусокъ хлѣба малярнымъ ремесломъ въ неважливой степени почтеніе, чѣмъ подвизаться на поприщѣ биллиарднаго шулерства, и къ этому нельзя не видѣть прогресса нашего времени, сравнительно съ стариною. Но мы видѣли времена, когда молодые люди опрашивались и занимались физическимъ трудомъ, имѣя въ виду тѣ или другія, болѣе или менѣе доблестныя цѣли; передъ ними открывались широкіе горизонты, хотя бы въ однихъ мечтахъ. Въ настоящемъ же случаѣ ничего передъ нами нѣтъ, кромѣ опрощенія ради опрощенія, являющагося, такимъ образомъ, въ своемъ родѣ искусствомъ для искусства, и еще того хуже: въ пассивномъ подчиненіи рабочей лямкѣ и жизнью впроголодь день за день, завтра, какъ вчера, среди грязи, вони, ругани и всякаго рода униженій, мы ничего не видимъ со стороны интеллигентнаго человѣка, кромѣ крайняго нравственнаго паденія. Если рабочій подчиняется пассивно такой жизни, то это дѣлается, съ одной стороны, потому, что онъ человѣкъ темный и не видалъ никогда ничего лучшаго, а съ другой стороны, онъ, можетъ быть, и желалъ бы такъ или иначе улучшить свою жизнь, но не въ состояніи сдѣлать это, потому что надъ нимъ тяготѣетъ ярмо своего рода подневольнаго рабства. Интеллигентный же человѣкъ, видящій весь идеалъ жизни въ подобномъ рабскомъ ярмѣ, этимъ самымъ узаконяетъ его, отказываясь отъ всякой борьбы противъ него и за себя, и за другихъ.

Тѣмъ не менѣе, дворянинъ, обратившійся въ маляра, вслѣдствіе одной необычайности такого случая, сдѣлался притчею всего города, и въ то время, какъ купцы и сибиряки, когда онъ проходилъ мимо рынка, осыпали его насмѣлками, обливали водой и бросали въ слѣдъ ему всякій мусоръ, — интеллигентныя дщери города заинтересовались имъ, какъ идеальнымъ героемъ, а одна изъ нихъ, Мария Викторовна, дочь богатаго инженера Должанкова, такъ увлеклась имъ, что вышла за него замужъ. Но, конечно, увлеченіе это было непродолжительное, и когда она поняла, что въ раскрашиваніи стѣнъ и кровлей заключается вся святая святыхъ ея суженато и что ни о чемъ онъ не мечтаетъ, ни на что не думаетъ, довольствуясь внонѣ узкимъ кругомъ своего ремесленничества, понятно, что она бѣжала отъ него.

Онъ же ни мало этимъ не огорчился и всецѣло ушелъ въ свою новую жизнь.

«То, что я пережилъ,—повѣствуетъ онъ,—не прошло даромъ. Мои большія несчастія мое терпѣніе тронули сердца озабоченной, и теперь уже не смѣется надо мной, и когда прохожу я городскими рядами, меня уже не обливаютъ водой. Къ тому, что и стать рабочимъ, уже привыкши и не видя ничего страшнаго въ томъ, что и дворянинъ, пошу ведра съ краской и вставляю стѣны: напротивъ, мнѣ охотнѣе дѣлать заказы, и я считаюсь уже хорошимъ мастеромъ и лучшимъ подрабатывающимъ мастеромъ Рѣдкимъ. И теперь бѣгаю по городу и издаю заказы, нанявши и расчитывая рабочихъ, беру деньги подъ обильные проценты. И теперь, слыши я задремавшихъ и поющихъ, какъ это было раньше, за

паза можно дня три бѣгать по городу и искать кровельщиковъ. Со мной вѣжливы, говорятъ мнѣ *ам*, и въ домахъ, гдѣ я работаю, меня угощаютъ чаемъ и присылаютъ спросить, не хочу ли я обѣдать. Дѣти и дѣвушки часто приходятъ и съ любопытствомъ и съ грустью смотрятъ на меня».

Если хотите, съ точки зрѣнія послѣдовательной идеи графа Льва Толстого, ничто не можетъ быть выше и идеальнѣе подобнаго исхода всѣхъ мытарствъ нашего героя. Въ чемъ же могъ найти успокоеніе совѣсти молодой человѣкъ, неспособный, по своему мягкосердечію и чувству правды, къ урыванію жирныхъ пироговъ на пиришествѣ «ликующихъ, праздно болтающихъ», какъ не въ приобщеніи къ посильному физическому труду, въ которомъ онъ видѣлъ единственное спасеніе своей души? Да и что было дѣлать ему, разъ его забрили съ дѣтства, ожесточили, ничему въ то же время не выучили и никуда не направили? Да, конечно, въ смыслѣ неудачности и какъ жертва дурного воспитанія, онъ не могъ придумать ничего лучшаго. Но въ смыслѣ идеальности?.. Ахъ, развѣ вы не чувствуете, какъ надъ самой вашей головой виситъ низкій, низкій потолокъ, а вокругъ васъ сдвигаются и готовы задушить васъ тѣсныя стѣны... Ни воздуха, ни просвѣта... А вѣдь передъ нами тоже герой нашего времени... Боже, какой жалкій герой!

VII.

Въ довершеніе всего, возьмемъ писателя самой позднѣйшей формации, появившагося на литературномъ поприщѣ въ началѣ лишь 90-хъ годовъ, г. А. Куприна. И по своему свѣжему таланту, и по своему направлению, писатель этотъ подаетъ благія надежды. Одно то дѣлаетъ ему большую честь, что, чуждый какихъ-либо новаторскихъ претензій, не гоняясь ни за какой «новой красотой», онъ въ то же время не разбрасывается, подобно многимъ современнымъ беллетристамъ, по всевозможнымъ чистымъ и нечистымъ органамъ печати. Ему далеко не все равно, среди какаго навоза и мусора ни появилось бы его честное слово, лишь бы больше ему заплатили, и онъ, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ твердо держится органовъ честныхъ и сочувственныхъ его направленію. Относительно того, насколько идейны и содержательны его произведенія, мы можемъ судить по его послѣдней повѣсти «Молохъ», напечатанной въ № 12 «Русскаго Богатства» и предстоящей нашему разсмотрѣнію, къ чему мы немедленно и приступимъ.

Итакъ, какъ видите, мы имѣемъ дѣло съ такимъ новымъ произведеніемъ, что краска, которою оно была отпечатано, едва успѣла обсохнуть, и, конечно, герой этого произведенія долженъ быть изъ новыхъ новыхъ. И представьте себѣ, что въ лицѣ этого героя, Боброва, мы видимъ личность, почти тождественную съ Думчинымъ въ «Губернаторской ревизіи» Вл. Ив. Немировича-Данченко. Разница заключается лишь въ томъ, что Думчинъ — мелкій помѣщикъ, обремененный семейю, ищущій средствъ къ существованію въ должности земскаго начальника, а Бобровъ — инженеръ, холостой, занимающій видное мѣсто на сталелитейномъ заводѣ. Но суть обоихъ одна и та же: подобно тому, какъ все горе Думчина заключается въ

томъ, что по своей натурѣ онъ болѣе расположенъ къ мирнымъ, кабинетнымъ, ученымъ занятіямъ, судьба же, помимо его желанія, толкнула его на такой отвѣтственный, административный постъ, какъ мѣсто земскаго начальника, а у него не хватило силы воли направить свою жизнь по своимъ наклонностямъ, то же самое мы видимъ и у Боброва. «По складу его ума, — говоритъ авторъ, — по его привычкамъ и искусамъ, ему лучше всего было бы посвятить себя кабинетнымъ занятіямъ, профессорской дѣятельности или сельскому хозяйству; инженерное дѣло не удовлетворяло его, и если бы не настоятельное желаніе матери, онъ оставилъ бы институтъ еще на третьемъ курсѣ».

Замѣчательно при этомъ, что это пассивное повиновеніе матери происходило вовсе не изъ горячей сыновней любви и нежеланія огорчить ее; ничего подобнаго мы не видимъ; напротивъ того: «ласка и нѣжность, — по словамъ автора, — съ дѣтства обходили Боброва. Отца онъ не помнилъ. Мать его была суровая и раздражительная женщина, почти помѣшанная на странствующихъ монашкахъ. Пять лѣтъ тому назадъ ею совершенно овладѣло религиозное убожество (вообще въ ея роду сумасшествіе было явленіемъ наследственнымъ)».

Такимъ образомъ, въ лицѣ Боброва передъ нами является подобное Думчину безвольное существо, которое уже съ дѣтства привыкло не само устраивать свою жизнь, а пассивно подчиняться волѣ власти надъ нимъ имущихъ, хотя бы эти власти имущіе были люди невѣжественные, какою и представляется его слабоумная мать.

Вмѣстѣ съ слабоволіемъ получилъ онъ, очевидно, отъ матери, въ видѣ психіатрическаго наслѣдства, крайнюю воспримчивость всѣхъ внѣшнихъ впечатлѣній, доходящую до болѣзненной чувствительности. «Его нѣжная, почти женственная натура, — читаемъ мы, — жестоко страдала отъ грубыхъ прикосновеній дѣйствительности, съ ея ежедневными, суровыми нуждами. Онъ самъ себя сравнивалъ въ этомъ отношеніи съ человѣкомъ, съ котораго заживо содрали кожу. Иногда мелочи, не замѣченныя другими, погирсали его до глубины души»... «Особенно раздражали его, — читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ, — когда онъ обходилъ рельсопрокатный цехъ, блѣдныя, выпачканныя углемъ и точно высушенные огнемъ лица рабочихъ. Глядя на ихъ упорный трудъ, въ то время, когда ихъ тѣла обжигали жаръ раскаленныхъ массъ, онъ самъ казался будто бы испытывалъ часть ихъ физическія страданія. Ему тогда становилось стыдно и за свой холерный видъ, и за свое тонкое бѣлье, и за свой сыни своего годового жалованья».

«— Все мнѣ тяжело и гадко, Осипъ Осиповичъ, — говорилъ онъ своему другу, доктору: — первое гадко то, что я служу на заводѣ и получаю за это большія деньги, и мнѣ это самое дѣло нота какъ противно! Я считаю себя честнымъ человѣкомъ, а потому прямо себѣ спрашиваю: что ты дѣлаешь? Если ты приносишь пользу? Я начинаю разбираться въ этихъ вопросахъ и вижу, что, благодаря моимъ трудностямъ францужескихъ лапочниковъ-ранти и десяткамъ русскихъ пройдохъ со временъ Николая, въ карманѣ миліоны. А другой цѣли, другого смысла